

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Владислав Сулимский о голосе как складе характера, о роли мелочей и о песнях на китайские стихи тысячелетней давности

ТЕКСТ \ Валентина Старова

На счету премьеры Мариинского театра баритона Владислава Сулимского – более 30 ведущих партий как в родной Мариинке, так и на мировых оперных сценах. Бархатный тембр и вердиевская мощь голоса, актерская убедительность и харизма давно завоевали признание слушателей: каждое выступление Владислава становится событием. 16 декабря в Москве певец участвует в заключительном концерте XI Международного фестиваля вокальной музыки «Опера Априори».

В декабре вы выступаете в новом проекте фестиваля «Опера Априори». Чем порадуете?
Вместе с пианистом Яковом Кацнельсоном, с которым мы делаем уже вторую программу на фестивале, я исполню два вокальных цикла Георгия Свиридова: «Отчалившая Русь» на стихи Есенина и «Песни странника» на стихи китайских поэтов эпохи Тан. «Песни» буду петь в грандиозном китайском костюме той же эпохи. Это очередной вызов для меня – впрочем, как и всегда в проектах «Оперы Априори». Но я с большим удовольствием соглашаюсь на такие авантюры, потому что это здорово.

Насколько важно для вас погрузиться в эпоху исполняемого произведения?
Я не могу взяться за роль, если не понимаю, где происходит действие, в каких обстоятельствах, в какое время. Здесь все важно: как двигаться, какие жесты можно себе позволить, а какие – нет. Сценография и костюмы тоже имеют большое значение. Все эти элементы образа – как кубик Рубика. И чем быстрее ты собираешь его в голове, тем более успешным будешь на сцене.

В вашем роду были и князья, и цыгане... Аристократические корни что-то подсказывают?
Мне кажется, дают определенную ментальность, некий внутренний стержень. Ведь большинство ролей у меня все-таки великосветские: то граф, то князь, то гетман. Хотя, наверное, когда я на сцене, цыганская

кровь берет верх – что-то такое прет изнутри. Если исполняю, например, одну из моих самых любимых ролей – Яго в «Отелло» Верди, – у меня идет какой-то неудержимый кураж. И не остановиться!

Вы занялись пением совершенно неожиданно, в 18 лет, бросив класс скрипки. И вас вдруг сразу приняли на второй курс вокального отделения музыкального училища. Все так быстро произошло, сами не удивились, что у вас, оказывается, есть голос?

Да я даже и не думал, что так могу. Но мне понравилось. Спел на прослушивании какую-то народную песню. Помню, придумал рассказ о ее персонаже. И вот тогда почувствовал, что могу не только петь, но и играть.

В детстве не мечтали стать актером?
Видимо, подсознательно мне этого хотелось. Но в Беларуси в девятые где я мог играть? Театральной студии в Молодечно не было, мое единственное сценическое выступление состоялось в школе в седьмом или восьмом классе,

Меня всегда немного раздражало, когда певцы стоят перед публикой, как истуканы. А зрителю интересно не только видеть машущие руки, но и воспринимать рассказ. И для этого певцу нужно использовать язык тела

когда я спел про остров Невезения из «Бриллиантовой руки». Но у меня всегда было богатое воображение, и, начав заниматься пением, я понял: то, о чем в детстве читал в книгах – например, в «Айвенго» или «Трех мушкетерах», – или то, что видел в приключенческих фильмах типа «Бронзовой птицы», я могу каким-то образом перенести на сцену. Меня всегда немного раздражало, что певцы часто стоят перед публикой, как истуканы. А зрителю интересно не только видеть машущие руки, но и воспринимать рассказ. И для этого певцу нужно использовать язык тела, лицо. И глаза, и брови. Порой вся суть может крыться в нюансе, который прописал композитор. В либретто всегда можно найти какие-то мелочи, и они сыграют за тебя больше, чем ты сам, если все продумать.

А чисто драматические роли в театре вас привлекают?
Чтобы понять, насколько это мое, нужно попробовать. Например, Макбета с удовольствием бы сыграл. Или вот Рогожина из «Идиота» Достоевского.

В вашем репертуаре есть роль Рогожина в опере «Идиот» Вайнберга. Этим самая сложная ваша партия? Мелодизмы Вайнберга действительно не самые простые. Но партия не так сложна для пения. А вокально самая непростая роль для баритона (и для меня в частности) – это Риголетто. Но я его сделал как бы своим вторым «я», примерив на себя. Просто принял и простил, как говорится.

По вашим словам, вы начали осознавать себя в певческой профессии в 37 лет, в 2013 году. Хотя еще в 2004-м Владимир Атлантов на своем мастер-классе сказал о вас: «Вот такие должны быть оперные певцы». А что вас не устраивало в себе?
Не знаю, это какое-то внутреннее ощущение. На мастер-классе →

ФОТО: © ЕКАТЕРИНА АФОНИНА

«Опера, конечно, не для всех. Но если человек внутренне хочет обогащаться, открывать в себе что-то новое, он сможет ее полюбить. При условии, что ему повезло попасть на правительных певцов»

у Атлантова это все еще был вокальный пубертат. Актерская сторона у меня тогда преобладала над вокальной. И я жил с мыслью, что мне постоянно чего-то не хватает. Да, в 2013-м я пережил и падение, и взлет, все уместилось в один год. Тогда, после мастер-классов в Италии, я настолько запутался, что просто решил: пожалуй, вообще завяжу с вокалом. А когда вернулся в Мариинский театр, мой коуч Елена Константиновна Матусовская убедила меня попробовать заново. И действительно как-то все само начало получаться. Это как скрипку новую берешь: и смычок здесь из другого дерева, и другой конский волос. Ты начинаешь звучать по-другому, когда у тебя внутри все уложилось, и поешь с новыми ощущениями, уже осознанно. То есть раз попробуешь, второй – и да, действительно легко поется, и все.

Вы ощущаете каким-то шестым чувством, что владеете залом?

Да, есть такое. Момент искреннего выражения чувств, которые идут от зрителей, ни с чем не перепутаешь. Конечно, это очень вдохновляет, и сразу хочется петь. Ведь чем привлекает оперный театр? Ты видишь, что сидящие в зале люди, пусть даже в первый раз пришедшие на оперу, втягиваются и уже не могут оторваться.

Вы учились пению сначала в родной Беларуси, потом в Петербургской консерватории и Академии молодых оперных певцов при Мариинском театре, затем уехали учиться в Италию. Вы можете назвать какого-то одного вокального педагога, который сделал из вас певца? В моем случае каждый педагог был мне необходим на своем этапе, даже если опыт оказался негативным. Я очень благодарен Георгию Юревичу и Николаю Алексееву, Раймундо Метре и Паоло ди Наполи, как и многим другим. Я взял от них все, что мог. А вот с одним педагогом

У нас нет той роскоши, которая была у Карузо, Руффо или Каллас. У них были месяцы на путешествия, на разучивание роли, и они не пели спектакли через день. Просто мы живем в другое время

заниматься непросто, потому что тут уже начинается привязанность, теряется свежесть восприятия, появляется «замыленность» взгляда, и становится трудно понять, если что-то не так. В пении нужно всегда идти вперед, искать что-то новое, нельзя заикливаться на одном.

Чего, по вашему мнению, не хватает сегодняшним молодым певцам?

Не только молодым певцам, а вообще нашему певческому поколению не хватает времени. У нас нет той роскоши, которая была у Карузо, у Руффо или у Каллас. У них были месяцы на путешествия, на разучивание роли, и они не пели спектакли через день. Просто мы живем в другую эпоху. Раньше люди ждали месяцами письмо, например, в Италию из Америки. Вот певцу поступило приглашение спеть такую-то оперу. «Ок, – пишет, – согласен». Еще два месяца ждет ответа: «Приезжайте». А сейчас все решается в один день.

Кроме того, в наш век социальных медиа певец становится более уязвимым. Сейчас ведь каждый позволяет себе критиковать или восхвалять кого-то. Ты можешь в момент стать королем и вмиг же низвергнуться с пьедестала. Это

Помимо вокальных циклов Георгия Свиридова «Отчалившая Русь» и «Песни странника», в новую концертную программу Владислава Сулимского и Якова Кацнельсона вошли редко исполняемые произведения русских композиторов, объединенные темой Китая

раньше у тебя было время «добежать до канадской границы», если где-то накосячил в спектакле. Но новая реальность – это данность, и с этим надо как-то жить. Не обрубать же кабель интернета где-то там, в Балтийском море. (Смеется. – Прим. ред.)

Что нужно певцу для успеха, помимо голоса?

Верить в себя и доверять себе. И на это не каждый способен. Мне удается, может быть, благодаря тому, что я не тенор. Есть такая театральная шутка, что тенора очень восприимчивы ко всему неадекватному. Быть баритоном намного проще. Баритон – это зачастую склад характера. Бас – это низкий голос, тенор – высокий, а баритон – средний, и, скажем так (не совсем, правда, скромно), баритон взял все лучшее и от верхнего голоса, и от нижнего. Интересно, что на это тенора скажут. (Смеется. – Прим. ред.)

Моя адекватность – это тоже плюс как в жизни, так и в карьере. У меня нет каких-то необоснованных претензий. Я никогда не завижусь тенору, если у него главная роль, а у меня второстепенная. Ведь можно сделать второстепенную роль лучше, чем главную.